

Научная статья
УДК 81'28
doi: 10.17223/19986645/91/4

Зооморфный код вологодских говоров: деривационный аспект

Елена Николаевна Ильина¹, Светлана Алексеевна Ганичева²

^{1,2} *Вологодский государственный университет, Вологда, Россия*

¹ *filfak@list.ru*

² *sganicheva@mail.ru*

Аннотация. Описывается морфемная и словообразовательная структура анималистической лексики говоров Вологодской области. Исследуются общезыковые свойства и локальные черты диалектных словообразовательных гнезд и аффиксальных парадигм, в составе которых представлены слова, называющие животных, и их производные. Комментируется внутренняя форма анималистической лексики в связи с осмыслением феномена диалектной языковой картины мира. Делаются выводы о специфике зооморфного кода крестьянской культуры Европейского Севера России.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная лексикография, морфемная и словообразовательная структура слова, говоры Вологодской области

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00123 «Диалектный словарь строения слов: от электронной базы данных к словарю корневых гнезд и аффиксальных парадигм»).

Для цитирования: Ильина Е.Н., Ганичева С.А. Зооморфный код вологодских говоров: деривационный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 70–83. doi: 10.17223/19986645/91/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/4

Zoomorphic code of Vologda dialects: A derivational aspect

Elena N. Ilyina¹, Svetlana A. Ganicheva²

^{1,2} *Vologda State University, Vologda, Russian Federation*

¹ *filfak@list.ru*

² *sganicheva@mail.ru*

Abstract. The necessity to study the derivational potential of the word in Russian territorial dialects determines the relevance of the research. The authors of the work focus on the animalistic vocabulary from Vologda dialects reflected in the published

editions and the card index of the Vologda dialects dictionary. This animalistic vocabulary contains more than 850 names, with more than 300 names of pets, about 150 names of wild mammals, more than 100 names of birds as well as names of birds, fish, insects etc. We comment on the inner form of animal names, describe general language features of these words' structure (predominance of Russian morphemes in their structure and formation of most of these words according to general language derivational models) and their local features: presence of dialect names, conservation of more archaic distribution and general language word semantics in the analyzed words, different derivational potential of all-Russian words in the standard language and the analyzed dialects. We analyze the lexical structure and derivational relations in dialect derivational word-families either formed from names of animals or including them as derivative words. We make conclusions about the specificity of modern Vologda dialects' "zoomorphic code" based on this information and results of content analysis of statements about animals received in expeditionary observations of the speech of villagers from Vologda Oblast. This work proves that verbalization of "animal world" in Vologda dialects is a system of one-word and composite nominations, their inner form and contextual environment represent typological properties of the dialect linguistic view of the world: priority of human biological survival in harsh environmental conditions and its social adaptation in peasant community, traditionalism and expressiveness. The "animal world" in its objective, axiological and actional components is a part of the dialect linguistic view of the world, including features of inanimate nature, flora, and the human world. The "zoomorphic code" of the analyzed dialects finds its manifestation in an inseparable connection between the "animal world" and the "human world", which is reflected in the parallel wording of the most important physiological processes (conception, pregnancy, birth of offspring; caring for children and animals; illness and death) as well as in the realization of typical schemes of the semantic transfers linking events of the "human world" and the "animal world" in a single semiotic unit.

Keywords: Russian dialectology, dialect lexicography, morphemic and word-formation structure of words, dialects of Vologda Oblast

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00123.

For citation: Пына, Е.Н. & Ганичева, С.А. (2024) Zoomorphic code of Vologda dialects: A derivational aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 70–83. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/4

Введение. Исследование *зооморфного кода* культуры составляет одну из актуальных проблем лингвокультурологии, во-первых, в силу необходимости выявления и описания наиболее значимых кодов человеческой культуры, находящих своё отражение в языке, а во-вторых, по причине потребности в спецификации проявления этих кодов в различных языках мира, а также в различных коммуникативных сферах, жанрах устнопоэтического и литературного творчества, идиоматических выражениях и пр.¹ Самостоятельную научную проблему изучение зооморфного культурного кода имеет

¹ Обзор научных публикаций, предметом изучения которых являются структурная организация, семантика и функционирование анималистической лексики, представлен в коллективной монографии, подготовленной при непосредственном участии авторов данной статьи [1. С. 9–16].

для русской диалектологии: это определяется в первую очередь спецификой восприятия мира сельскими жителями, бытовая и духовная культура которых теснейшим образом связана с природой, а присущие диалектной картине мира оценочность и экспрессивность определяют многочисленность в говорах анималистической лексики с прозрачной внутренней формой [2. С. 140–202].

В данной статье изучение зооморфного кода русского языка связано с осмыслением локального речевого контента, систематизированного по результатам диалектологических экспедиций в центральную и восточную части Вологодской области. С учётом уже сделанных ранее наблюдений относительно лексического состава, семантики и функционирования анималистической лексики в представленных на этой территории белозерско-бежецких и вологодских говоров мы обращаем внимание на специфику деривационных связей этих слов в системе диалектного словообразования, с одной стороны, с целью выявления региональной специфики этой системы [3], а с другой стороны, приближая появление исследований обобщающего характера, посвящённых системному описанию зооморфного кода русской культуры, основанных на осмыслении максимально полного и разнообразного речевого материала¹.

Ближайшей практической целью нашего исследования является характеристика структурных особенностей лексики, называющей и характеризующей животных, в формате диалектного словаря корневых гнезд и аффиксальных парадигм: в настоящее время этот лексический материал введён в электронную базу данных диалектного словаря строения слов и на равных основаниях с другими словами этого ресурса включён в систему поиска слов по различным показателям их морфемной структуры [5] – хотелось бы понять, могут ли быть использованы для этого лексического множества какие-либо иные возможности поиска и сортировки данных.

Основная часть. Исследователи анималистической лексики русских народных говоров отмечают многочисленность таких слов в диалектной системе, обращают внимание на «естественную» систематику животного мира в языковом сознании диалектоносителей, а также на неразрывную связь «мира животных» с «миром человека» в диалектном языковом сознании [6. С. 183–184]. Эта связь проявляется в параллельном для человека и животного ословливании наиболее важных физиологических процессов: зачатие, беременность и рождение потомства; уход за младенцами и детёнышами; болезнь и смерть и др. [7. С. 176]. «Мир животных» является одной из важнейших составляющих диалектной картины мира. Как *объектная* составляющая здесь представлены *домашние* (сельскохозяйственные животные, домашняя птица, животные-компаньоны) и *дикие* животные (звери, птицы, рыбы и «гады»: мелкие млекопитающие, насекомые, пресмыкающиеся, и

¹ В качестве ориентира с точки зрения полноты описания нам видится монография А.В. Гуры [4].

др.). *Оценочная* составляющая касается внешнего вида животных, их физиологических параметров, особенностей проживания, питания поведения и пр., что в конечном итоге определяет получаемую от животного практическую пользу для человека. *Акциональную* составляющую определяют способ передвижения животного в пространстве, характер поведения единичной особи или их совокупностей, особенности физиологических действий взрослого животного и детёныша, сильного и слабого животного, самца и самки, а также специфика действий человека по отношению к домашним (выращивать, кормить, охранять, получать полезный продукт) или диким (охотиться, обороняться) животным.

В исследуемых нами говорах Вологодской области зафиксировано около 850 слов, называющих животных. Это названия домашних животных, имеющих сельскохозяйственное значение, домашней птицы и животных-компаньонов, а также названия диких животных и птиц, рыб и насекомых. Наибольшее число названий среди домашних животных имеют корова (39) и курица (38), а среди диких животных – медведь, лось (по 17), заяц (14), кабан (9), белка, крот, мышь, лиса, кукушка (7).

Для названия **домашних животных** в исследуемых говорах зафиксировано более трёхсот слов. Это общерусские общие названия (*живность, животина, скот, скотина*), общерусские и диалектные названия крупного (*бык, дойка, теля*) и мелкого (*баран, ягушка, козлица*) рогатого скота, лошадей (*конь, жерёба, стрижок*), свиней (*вепрь, рюха*), кроликов (*кролик, кролика*), домашней птицы (*певень, кутя, цыпля*) и животных-компаньонов (*кот, кавка, пёс, кутя*). Большинство этих названий обнаруживает формальные и семантические признаки производности¹.

В сфере *отсубстантивного образования* маркируются семантика самки животного (*козлуха, селезниха*), детёныша (*вепрёнок, собачонок*), разнообразная оценочная семантика (*кобелина, лошадёнка, петухан, сучошка*), а также связь названия животного с занятиями людей (*запастушник* ‘телёнок’) и различными предметами их хозяйственной деятельности (*ведерница* ‘корова’, *колокольница* ‘корова’, *подсуслонник* ‘цыплёнок’). Учитываются также взаимодействия между названиями взрослых животных и детёнышей (*цыплятуха* ‘курица’, *подсвинок* ‘поросёнок’). Маркируются социальные ценности: *таланушка* ‘корова’ – ср.: *талан, талань* ‘счастье, судьба, доля’ [8. Вып. 11. С. 5].

Семантика *отглагольных существительных* связана с характерным для животного действием: *парунья* ‘курица’ – ср.: *парить* ‘не нести яиц, проявлять беспокойство, собираясь высидывать цыплят’ [8. Вып. 7. С. 9], *припусток* ‘телёнок’ – ср.: *припускать* ‘производить на свет, рожать’ [8. Вып. 8. С. 59] и др., а также с именованнием хозяйственных действий человека по отношению к животному: *дойка* ‘корова’, *опоек, откормыш* ‘телёнок’ и др.

¹ Наиболее подробно о семантике производных названий животных писала Т.И. Вендина в связи с осмыслением феномена диалектной языковой картины мира [2].

Отадъективные производные реализуют семантику носителя качественного признака (*пеструха*, *яловка* 'корова', *воронуха*, *карюха*, *чалка* 'лошадь', *серавка* 'овца', *сивко* 'поросёнок', *молодка*, *рябуха* 'курица', *ярун* 'баран'), а также признака по отношению к действию (*холёнушка* 'корова' – ср.: *холёный*, *холить*) или предмету (*годовушка* 'тёлка' – ср.: *годовой*, *год*).

Производные названия животных, образованные с участием количественных и порядковых числительных, эксплицируют семантику возраста (*двулеток* 'бык в возрасте двух лет', *однолеток* 'годовалый жеребёнок') или физиологического состояния животного (*первотёлка*, *первотёлок* 'корова после первого отёла'), а также количества животных одного помёта (*двойники*, *тройники* 'два, три детёныша, одновременно рожденные одной матерью').

Сложные существительные с первоэлементом *сам-* реализуют значение действия, выполняемого животным не по заведённому порядку: *самосадка*, *самоседка* 'курица, откладывающая яйца в неположенном месте', *самолайка* 'склонная к беспричинному лаю собака' [9. С. 114–116].

Особую группу составляют производные, внутренняя форма которых связана со звукоподражаниями и подзывными словами: *депа*, *депочка* 'телёнок', *чага*, *чака*, *чёга*, *чёка*, *чига* 'овца', *пикун* 'цыплёнок' и др.

В сфере образования производных названий домашних животных наиболее широко представлены случаи словообразовательной синонимии: *гусиха*, *гуска* 'гусыня', *комолка*, *комлюха* 'безрогая корова', *недоёнок*, *недоюха* 'корова, дающая мало молока', *телица*, *тёлка*, *телушка* 'молодая, ещё не телившаяся корова, тёлка', *ягнятко*, *ягушек* 'ягнёнок', *петко*, *петун* 'петух', *собаченёнок*, *собачонок*, *собачошко* 'щенок' и др., а также фонематического варьирования морфем: *малька*, *маська* 'овца', *цыплёнок*, *цыпнёнок*, *цылюшка*, *цыренька* 'цыплёнок', *клокуша*, *клохтунья* 'курица' и др. Это вполне закономерно, так как образование названий домашних животных составляет в говорах весьма актуальную сферу действия словообразовательных типов, активных в устной разговорной речи [10. С. 41–43].

Во внутренней форме названий домашних животных актуализированы различные составляющие, имеющие непосредственное отношение к хозяйственной деятельности человека. Это, во-первых, половые и возрастные характеристики животных: *свиноуха* 'свинья', *свинёнок* 'поросёнок' – ср.: *свин* 'боров'. Во-вторых, это физиологические особенности животных, связанные со способностью к продолжению рода: *валух* 'кастрированный козёл' – ср.: *валить* 'кастрировать', *нетель* 'тёлка', *яловка* 'неоплодотворенная корова'. В-третьих, это отличительные черты внешнего облика и поведения животных: *комолка* 'безрогая корова', *отыло* 'жирное, откормленное животное', *толкун* 'бык' и др. В-четвёртых, это хозяйственная продуктивность животного: *ведерница*, *доёнка* 'корова, дающая ведро молока за удой', а также связь с различными составляющими содержания и ухода: *колоколена* 'любое домашнее животное с колокольцем на шее', *запастушник* 'телёнок', *откормошник* 'откармливаемое на убой животное' и др.

Названия *диких животных* (млекопитающих, птиц, рыб и пр.) представлены, во-первых, общерусскими и диалектными обобщающими названиями

(*дичьё, зверьё, лешня* 'общее название диких животных', *птица, потка* 'общее название птиц', *меево, моль, сегодка* 'общее название мелкой рыбы', *букарка, букараха, букарина, букашка* и др. 'общее название насекомых'), а во-вторых, преимущественно видовыми названиями этих животных (наиболее разнообразны среди них названия диких млекопитающих: медведя, волка, лисы, лося, зайца, белки и др.).

Отсубстантивные производные названия диких животных также реализуют семантику женскости (*медведиха, сохатиха, лиска*), невзрослости (*медведёнок, лисенёнок, лосёныш*), оценочности (*медвежище, векишоночек, волчок*), а также маркируют характерные отличительные особенности животного (*горбач, матросник* 'окунь', *ушан, ушкан* 'заяц'), в том числе внешнее подобие предметам неживой природы (*батман* 'медведь'¹, *вертеленка, веретенница* 'безногая ящерица', *лапотник* 'таракан'), время пребывания на исследуемой территории (*зимец* 'снегирь'), место проживания (*мошник, польник, поляш* 'тетерев') и продукты жизнедеятельности (*теньятник* 'паук', *медовица, медуница* 'пчела').

Отглагольные дериваты эксплицируют характерные для животного действия (*шатун* 'медведь', *рытик* 'крот', *секач* 'кабан' и др.) и коммуникативные сигналы (*кукуля, кукуша* 'кукушка', *пискун* 'сверчок').

Отадъективные производные называют носителя качественного признака: *слепыш* 'крот', *рябок* 'рябчик', *площица* 'вошь' (в том числе и образованные в результате субстантивации прилагательных: *долгая* 'змея', *серый* 'волк'), а также признака по отношению к предмету (*головастик* 'головастик' – ср.: *головастый, голова*).

Производные, включающие в себя несколько корневых морфем, объективируют внешние отличительные особенности диких животных (*зубодавка* 'щука', *куцехвостый* 'заяц', *палаголовец, пологоловец* 'головастик', *семиглазка* 'минога'), характерные для них особенности действия (*кроторойка* 'крот', *самоед* 'щука', *шишкопол* 'дрозд') и др.

Обращают на себя внимание простые и составные наименования диких животных, соотносящие их с названиями домашних животных (*корова, освиha* 'самка лося' – ср.: *ослиха* 'самка осла', *богов конёк, травяная кобылка* 'кузнечик'), а также других живых существ (*Михайло Потапыч* 'медведь'), реализующих различные социальные роли (*матка* 'пчела', *мачеха* 'кукушка') или оценочно характеризруемых (*гадина* 'мышь', *стерва* 'змея').

Следует заметить, что производная лексика этой сферы достаточно часто используется для различения взрослых (крупных, в полной мере реализующих свои биологические функции, вполне пригодных для охоты, рыболовства, употребления в пищу и пр.: *лосиха, сохатиха* – ср.: *лось, сохат* 'лось') и невзрослых (мелких, недостаточно развитых, непригодных для практического использования – *лосёныш*) животных, названия отдельных особей (*окунёк, окушок* 'окунь', *гадина* 'мышь') и их нерасчленённого множества (*окуньё* 'собир. окуни', *гадьё* 'собир. мыши').

¹ Ср.: *батман* 'связка лука или чеснока' [8. Вып. 1. С. 24].

Производные существительные, образованные от названий диких животных, эксплицируют экспрессивную оценку объекта номинации говорящим (*медведятина*, *медвежник* 'медведь', *волчара*, *волчина*, *волчище* 'крупный, матёрый волк'), а также называют мясо и / или шкуру животного, если образуются от названий млекопитающих и птиц, служащих объектом охоты: *заяц* – *зайчатина*, *рябок* 'рябчик' – *рябчатина*).

Производные прилагательные называют признак по принадлежности животному (*векиша* 'белка' – *векишный*, *лягуша* 'лягушка' – *лягуший*), а также сравнительно-уподобительный признак (*по-змеючьи* 'по-змеиному', *по-кукушьи* 'как кукушка').

Производные глаголы имеют значение действия, приписываемого животному или сообщаемого объекту свойства этого животного: *кабанеть* 'полнеть, толстеть», *щучить* «бранью доводить до отрицательного состояния'.

Ресурсы неморфемного словообразования проявляют здесь меньшую активность по сравнению с названиями домашних животных, однако реализуют типичные семантические модели: а) «название человека, обнаруживающего сходство с животным во внешнем облике или в поведении» (*росомага* 'неопрятная, растрёпанная женщина', *распетушье* 'неряшливо, нелепо одетая, непричёсанная женщина'); б) «название предметов неживой природы, обнаруживающих внешнее сходство с животным» (*жавората*, *жаворатки* 'маленькие сдобные булочки в виде птичек, выпекаемые по обычаю в начале весны', *медведко* 'связка лука, чеснока', *таракан* 'заколка для волос').

Обращает на себя внимание активность образования производных слов от видовых названий домашних и диких животных. Среди **комплексных единиц словообразовательной системы** исследуемых говоров наиболее многочисленный и разнообразный лексический состав имеет словообразовательное гнездо с вершиной *корова*. От него образуются многочисленные имена существительные, эксплицирующие оценку (*коровёнка*, *коровка*, *коровуха*, *коровушка* и др.), существительные со значениями собирательности (*коровьё*) и вещественности (*коровина*, *коровятина* 'мясо коровы'), конкретные существительные, называющие помещение для скота (*коровник*) и человека, ухаживающего за скотом (*коровница*), предметы природного мира (*коровка*, *коровушка*, *короватик*, *короватник*, *коровятник* 'гриб') и хозяйственной деятельности человека (*коровка* 'выемка, углубление, гнездо в конце бревна, куда вставляется выступ другого; паз' [8. Вып. 3. С. 107]), имена прилагательные, маркирующие отношение к животному или принадлежность ему (*коровий*), а также глаголы состояния, внутренняя форма которых уподобляет внешний облик человека животному (*короветь* 'толстеть, полнеть' и его производные: *закороветь*, *раскороветь* и др.). Это же существительное представлено во многих диалектных фразеологизмах (♦ *Заползть на коровках*¹ 'стать немощным, неспособным что-либо делать вслед-

¹ Ср. также: *Встать коровой* (*коровушкой*) 'встать на четвереньки' (картотека «Словаря вологодских говоров»).

ствие наступления старости'), формулах народного этикета (◇ *Море под коровой (под кормилицей, под маткой)* 'пожелание женщине, доящей корову' [8. Т. 5. С. 3]) и др.

В целом от производящих слов анималистической семантики образуются производные продуктивных в общезыковой системе моделей морфемного, неморфемного и смешанного словообразования – отличия здесь будут проявляться преимущественно в составе производящих основ (*веррёнок* 'кабанёнок', *векшонок* 'бельчонок'), в более широком выборе средств реализации словообразовательного значения (*волчара, волчина, волчице* 'взрослый, большой волк', *лисенёнок, лисёнок, лисёныш, подлисок* 'детёныш лисы'), а также в весьма заметном варьировании фонемного состава морфем и основ: *молява, мулява* 'мелкая рыба', *веретеница, веретельница* 'безногая ящерица' и др.

Представление анималистической лексики в *диалектных словарях*, отражающих специфику структурной организации слов, осуществляется либо в составе диалектных словообразовательных гнезд [11], либо в составе комментируемых авторами словаря словообразовательных типов [12]. Размышляя о том, как эта лексика может быть представлена в формате электронного словаря диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм, обратимся к примерам её репрезентации в диалектном гнездовом словообразовательном словаре [11], а также в мотивационном диалектном словаре, объективирующем отношения формальной и семантической вторичности в исследуемой совокупности диалектов [12] – оба эти словаря характеризуют словообразовательную систему сибирских старожильческих говоров территорий среднего течения реки Оби.

Авторы словообразовательного словаря разграничивают словообразовательные гнезда, вершинами которых являются сосуществующие в диалектной системе варианты слов (*журавль, журавель, журав* 'птица журавль' [11. С. 235–236]), разграничивают названия животных и образованные от них семантические производные (например, 1. *бык* 'самец коровы' и 2. *бык* 'мыс в реке' [11. С. 72]), *голубь* 'птица' и *голубь*₂ 'ласковое название мужчины' [11. С. 139]), приводят лексически тождественные однокоренные образования в составе словообразовательных парадигм (например, *гусёнок* и *гусенёнок* 'детёныш гуся', *гусиха, гусица* 'самка гуся' [11. С. 166]), толкуют значения производных слов через соотношение семантики мотивирующего и мотивированного слов с учетом семантики словообразовательного средства (например, *гусятник* '1. Лицо по объекту охоты. 2. Помещение по объекту расположения. 3. Растение – объект питания' [11. С. 166]), учитывают фонематические изменения морфем и основ в процессе словообразования (например, *ельчик* (*е / ø, ц / ч*). Уменьш.-ласк. к *елец* 'рыба семейства карповых' [11. С. 211], *жеребячий* (*т / ч*) 'свойственный предмету' [11. С. 225]).

В словообразовательных парадигмах, репрезентирующих производные одного словообразовательного типа, определяются отношения лексической и семантической мотивации (например, *Вострохвостиха* 'самка вострохвоста'. ЛМ *вострохвост / острохвост* 'вид утки шилохвост'. СМ *шилохвостиха, гу-*

сиха, клохариха, косачиха, лутиха 'названия самок птиц' [12. С. 71], *Ельцовка* 'сеть для ловли ельцов и другой мелкой рыбы'. ЛМ *елец, ельчик*. СМ. *карасёвка, окунёвка, язёвка* 'названия рыболовных сетей' [12. С. 116]), а также с помощью речевых иллюстраций доказывается наличие отношений мотивации в исследуемых говорах: ...*Были утки... вострохвост да вострохвостиха, да гусь и гусиха, клохарь и клохариха, – их тоже едят, но больше жарить, они рыбу едят. А у косача – косачиха* (В.-Кет. Б.Яр) [12. С. 71]; *Ельцовка – это ельцов ловить, а тут ельцы и язи, и всё на свете попадат* (Колп. Тип.) [12. С. 116]¹.

Создаваемый нами электронный диалектный словарь строения слов, базирующийся на возможностях выбора и сортировки данных поисковой системы диалектного словаря строения слов, в настоящее время позволяет сформировать корневые гнезда и аффиксальные парадигмы на основе точного графического тождества морфов, корневых (например, *-тетер-* / *-тетёр-*: *тетера, тетёра, 1 тетеря* 'кушанье из толокна; витая булочка из пшеничной муки без начинки', *2 тетеря, тетеревица* 'тетерев', *тетеревьё* 'тетеревы', *тетерёнок, тетёрыш* 'птенец тетерева', *тетериться* 'отстраняться', *3 тетеря* 'удар кулаком' и др.) или аффиксальных (например, *-ёнок-*: *вепрёнок* 'поросёнок', *пестерёнок* 'неуклюжий, неумелый человек', *полупальтёнок* 'утеплённая кофта', *Сидорёнок* 'сын, внук Сидора' и др.). Очевидно, что за пределами такой выборки окажутся семантически соотносительные морфы, отличающиеся от заявленного эталона составом фонем (например: *-енёнок-*: *волченёнок, гусенёнок, котенёнок, собаченёнок* и др.) и, наоборот, при абсолютном формальном тождестве выделенных аффиксов реализующие их различные функции (*вепрёнок* ← *вепрь*, ср.: *жеребёнок*) и неодинаковые значения (например, подобия или неполного тождества: *полупальтёнок*). Сформированные на основе первичной сегментации корневые гнезда могут обнаружить ещё более сложные взаимодействия, представляя целый комплекс словообразовательных гнезд, вершинами которых будут однокоренные образования, обнаруживающие различия в фонематической структуре морфем и основ, а также различающиеся по своей семантике. Фрагмент такого гнезда приводится ниже.

1 <i>тетер/я</i> → 'тетерев'		<i>тетер/ев</i> → 'тетерев'		<i>тетерев/иц/а</i> 'тетерев'
				<i>тетеревь/[j/о]</i> 'сбир. тетеревы'
		<i>тетер/ёнок</i> 'птенец тетерева'		<i>тетерев/ок</i> 'ум.-ласк. к тетерев'

¹ В том числе в тех случаях, когда слова не обнаруживают в исследуемых говорах непосредственной синхронической производности, например: *Жеребёнок* «детёныш лошади». ЛМ *жерёбая* «беременная (о лошади)», *ожеребиться*. СМ *поросёнок* «детёныш свиньи», *телёнок (телок)* «детёныш коровы», *ягнёнок* «детёныш овцы». *Кобыла жерёба, когда родится жеребёнок, кобыла ожеребилась* (Том. Яр.) [12. С. 121].

<p><i>тетёра</i> → 'тетерев'</p>	<p><i>тетёр/к/а</i> 'самка тетерева'</p> <p><i>тетёр/ьш</i> 'птенец тетерева'</p>	
<p>2 <i>тетер/я</i> → 'кушанье из толокна; витая булочка из пшенич- ной муки без начинки'</p>	<p><i>тетер/к/а</i> → 'ум.-ласк. к 2 <i>тетеря</i>; выпеч- ное изделие в виде птицы, ко- торое съедают новобрачные после венчания; др.'</p> <p><i>тетер/юшк/а</i> 'небольшая лепёшка из жидкого теста'</p>	<p><i>тетереч/к/а</i> 'ум.-ласк. к 2 <i>тетеря</i>; кусочек пирога'</p>
<p>3 <i>тетер/я</i> 'удар кулаком'</p>		
<p>4 <i>тетер/я</i> → 'нерасторонный, медлитель- ный человек'</p>	<p><i>тетер/у/ть/ся</i> → 'медлить, мешкать; отстра- няться'</p>	<p><i>про/тетериться</i> 'провести какое-либо время в хлопотах, провозиться'</p>

Очевидно, структурирование диалектных гнёзд и аффиксальных парадигм должно сопровождаться комментарием, мотивирующим решение авторов словаря об отождествлении вершин комментируемых совокупностей однокоренных и одноструктурных слов. Этот комментарий должен включать информацию о том, на каких основаниях производится отождествление корневых и аффиксальных морфов, обнаруживающих формальные и семантические различия, а также обоснование выделяемых в структуре гнезда деривационных отношений между однокоренными словами и разграничиваемых в составе аффиксальной парадигмы значений аффиксов. Соответственно основанием для объединения в одну морфему суффиксальных морфов *-онок-* (*-ёнок-*) // *-енёнок-* будет их генетическое родство, тождественность словообразовательной семантики¹, а также параллельное функционирование на территории распространения русских народных говоров [14. Карта № 35]. А объединение в составе диалектного корневого гнезда деривационных гнёзд гомогенных омонимов с предметным корнем *-тетер-* / *-тетёр-*, во-первых, подтверждается их этимологическим родством [15. Т. 4. С. 52], а во-вторых, мотивируется типичностью семантических переносов «название животного > название человека»; «название животного > название выпечного изделия» и др. [16].

Таким образом, для структурирования и описания диалектных корневых гнёзд и аффиксальных парадигм в формате диалектного словаря, с одной стороны, важно знать устройство словообразовательной системы русских народных говоров, её общезыковые черты и диалектные особенности, а с другой – иметь представление о лексическом составе, семантике и деривационном потенциале слов различных семантических сфер, о репрезентации с помощью этих слов существенных составляющих диалектной языковой

¹ Образования с суффиксом *-онок-* (*-ёнок-*) фиксируются в памятниках с XV в., развивая в современных говорах северо-восточной диалектной зоны на основе значения невзростости семантику уменьшительности, уничижительности и неполного подобия [13].

картины мира. В этом нас убеждает представленный в данной статье опыт исследования анималистической лексики русских северо-восточных говоров, эксплицирующей *зооморфный код* культуры сельских жителей Вологодского края.

Выводы

Очевидно, что лексика животного мира составляет в вологодских говорах одно из актуальных семантических множеств, обладающее большим дериивационным потенциалом. Наибольшее число названий имеют самки крупного рогатого скота (*корова*) и домашней птицы (*курица*), от жизнедеятельности которых в значительной мере зависит благополучие крестьянского хозяйства, а характеризующие в речи диалектоносителей действия и оценки обстоятельств жизненного цикла домашних животных (зачатие и рождение детёнышей, уход за ними, возможность или невозможность реализации своих продуктивных и репродуктивных возможностей, болезнь и смерть) обнаруживают закономерный параллелизм с подобного рода оценками по отношению к человеку.

Для диких животных наибольшее количество номинаций обнаруживается у промысловых млекопитающих (медведь, лось, заяц, кабан, лиса, белка), а также у животных и птиц, чьи образы наиболее ярко представлены в речевой культурной традиции (змея, мышь, кукушка). На фоне преобладающего в исследуемых говорах использования общерусских названий домашних и диких животных привлекают внимание диалектные слова (*загоска* 'кукушка', *шишкопол* 'дрозд', *поляш* 'тетерев', *язвик* 'барсук' и др.), в том числе утраченные литературным языком архаичные названия с общеязыковыми корнями (*теля* 'теленок', *утя* 'утка', *порося* 'поросенок' и пр.).

Внутренняя форма названий животных отражает особенности их восприятия сельскими жителями, чьё благополучие напрямую определяется взаимодействием с миром животных: маркируются внешние признаки и показатели жизнеспособности животного, специфика его проживания в условиях дикой природы или крестьянского хозяйства, функциональность в различные периоды жизненного цикла, особенности ухода за животным и отношения к нему. «Свёрнутая предикативность» словообразовательного значения названий животных в вологодских говорах подтверждается «в развёрнутом виде» системой микротекстов, в составе которых фиксируются названия домашних и диких животных (*Ягушка всё тройникам приносит, троё у ёй сразу рождаются; Бык-от в колхозе был бодун, будачкой – не одного, поди, мужика, разбудал*), тем самым доказывая, что именно этот набор признаков животных наиболее важен для языкового сознания диалектоносителя.

Таким образом, мир животных оказывается одной из ядерных составляющих диалектной языковой картины мира. Инвентарь объектов здесь систематизируется сообразно жизненным потребностям человека, подразделяясь на домашних (животных, птицу, компаньонов), диких (зверей, птиц, рыб) и «гадов» (мелких млекопитающих, земноводных, насекомых и пр.). Система

оценок животного выстраивается с точки зрения практической пользы, получаемой человеком от животного, а также его мифопоэтического образа, поддерживаемого традиционной народной культурой. Эти же основания существенны для характеристики акциональной составляющей картины мира: маркируются способ передвижения животного в пространстве, характер поведения единичной особи или их совокупностей, особенности физиологических действий взрослого животного и детеныша, сильного и слабого животного, самца и самки, а также специфика действий человека по отношению к животному: домашнему – *выращивать, кормить, охранять, получать полезный продукт* – или дикому – *охотиться, обороняться, избегать встречи, игнорировать* и др. Все эти наблюдения убеждают нас в том, что диалектная языковая картина мира в полной мере проявляет здесь свои отличительные качества: парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Список источников

1. Ильина Е.Н., Сабурова Л.В., Ганичева С.А. Языковая картина мира вологодского крестьянина. Вологда : ВоГУ, 2019. I. Домашние и дикие животные. 178 с.
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М. : Индрик, 1998. 240 с.
3. Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. Санкт-Петербург : Наука ; Вологда : ВГПУ, 2007. 204 с.
4. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 716 с.
5. Ильина Е.Н., Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Диалектный словарь строения слов // Свидетельство Роспатента о государственной регистрации программ для ЭВМ № 2013611057.
6. Сабурова Л.В. Домашние и дикие животные в языковой картине мира вологодского крестьянина // Русское слово: горизонты анализа (к 80-летию со дня рождения Людмилы Григорьевны Яцкевич). Вологда, 2024. С. 165–188.
7. Ганцовская Н.С., Красильщик Е.А. Лексика по теме «народная медицина, болезни скота» в говоре одной деревни (по материалам «Словаря русских народных говоров») // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. 1995. СПб., 1998. С. 172–176.
8. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / науч. ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т; Вологод. гос. пед. ун-т, 1983–2007.
9. Кирилова Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах : дис... канд. филол. наук. Вологда, 2008. 203 с.
10. Шаброва Е.Н. Морфемика русских говоров : учебное пособие к спецкурсу. Вологда : ВГПУ, 2006. 108 с.
11. Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря / под ред. Е.М. Пантелеевой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 235 с.
12. Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / Л.А. Араева, В.Г. Арьянова, О.И. Блинова и др. ; ред. О.И. Блинова. Т. 1: А–О. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. 268 с.
13. Азарх Ю.С., Бурова Е.Г. Об одной диалектной модели имен со значением невзрослости // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 129–145.

14. *Диалектологический атлас русского языка*. Центр европейской части СССР : в 3 вып. Вып. 2 : Морфология. Комментарии к картам / Ю.С. Азарх и др. ; под ред. Р.И. Аванесова, С.В. Бромлей. М. : Наука, 1989. 165 с.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель: АСТ, 2004.
16. *Исаев Ю.Н., Сергеев В.И., Николаева Н.В.* Анималистическая когниция: Метафора и сравнение. Чебоксары, 2016. 260 с.

References

1. Il'ina, E.N., Saburova, L.V. & Ganicheva, S.A. (2019) *Yazykovaya kartina mira vologodskogo krest'yanina* [The linguistic picture of the world of the Vologda peasant]. Vol. 1. Vologda: VoSU.
2. Vendina, T.I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira cherez prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik.
3. Shabrova, E.N. (ed.) (2007) *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya* [Dialect word formation, morphemics and morphophonology]. Saint Petersburg: Nauka; Vologda: VSPU.
4. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik.
5. Il'ina, E.N., Krylova, A.B. & Nikiforov, O.Yu. (n.d.) *Dialektnyy slovar' stroeniya slov* [Dialectal dictionary of word structure]. Certificate of Rospatent on state registration of computer programs No. 2013611057.
6. Saburova, L.V. (2024) *Domashnie i dikiye zhivotnye v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina* [Domestic and wild animals in the linguistic picture of the world of the Vologda peasant]. In: *Russkoe slovo: gorizonty analiza (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Lyudmily Grigor'evny Yatskevich)* [Russian word: horizons of analysis (on the 80th anniversary of the birth of Lyudmila Grigoryevna Yatskevich)]. Vologda. pp. 165–188.
7. Gantsovskaya, N.S. & Krasil'shchik, E.A. (1998) *Leksika po teme "narodnaya meditsina, bolezni skota" v govore odnoy derevni (po materialam "Slovara russkikh narodnykh govorov")* [Vocabulary on the topic of "traditional medicine, livestock diseases" in the dialect of one village (based on the materials of the "Dictionary of Russian folk dialects")]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya. 1995* [Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research. 1995]. St. Petersburg. pp. 172–176.
8. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L.Yu. (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda dialects]. Vols 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University.
9. Kirilova, E.A. (2008) *Struktura slozhnykh slov v sovremennykh vologodskikh govorakh* [Structure of compound words in modern Vologda dialects]. Philology Cand. Diss. Vologda.
10. Shabrova, E.N. (2006) *Morfemika russkikh govorov: uchebnoe posobie k spetskursu* [Morphemics of Russian dialects: study guide for a special course]. Vologda: VSPU.
11. Panteleeva, E.M. (ed.) (1992) *Opyt dialektного гнездового словообразователя'ного slovarya* [Experience of a dialectal "nest" word-formation dictionary]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Blinova, O.I. (ed.) (1982) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar' : govory Srednego Priob'ya* [Motivational dialect dictionary: dialects of the Middle Ob region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
13. Azarkh, Yu.S. & Burova, E.G. (1985) *Ob odnoy dialektnoy modeli imen so znacheniem nevzroslosti* [About one dialectal model of names with the meaning of immaturity]. In: *Dialektografiya russkogo yazyka* [Dialectography of the Russian language]. Moscow. pp. 129–145.

14. Avanesov, R.I. & Bromley, S.V. (eds) (1989) *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Tsentri evropeyskoy chasti SSSR: v 3 vyp.* [Dialectological atlas of the Russian language. Center of the European part of the USSR: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

15. Vasmer, M. (2004) *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German. 4th ed. Moscow: Astrel': AST.

16. Isaev, Yu.N., Sergeev, V.I. & Nikolaeva, N.V. (2016) *Animalisticheskaya kognitsiya: Metafora i sravnenie* [Animalistic cognition: Metaphor and comparison]. Cheboksary.

Информация об авторах:

Ильина Е.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: filfak@list.ru

Ганичева С.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: sganicheva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Ilina, Dr. Sci. (Philology), professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: filfak@list.ru

S.A. Ganicheva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sganicheva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 30.09.2024.*